

М.А. КОРЫТИНА

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ КАВКАЗА

Мадина Александровна Корытина,

Горский государственный аграрный университет,
кафедра философии и истории,
доцент
Кирова ул., д. 37, Владикавказ, Республика Северная
Осетия — Алания, 362040, Россия

кандидат философских наук
E-mail: tikis@yandex.ru

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационная концепция, кавказская идентичность, концептуальное осмысление, «единая кавказская цивилизация», «этнический коридор», «буферная зона», «периферия русской цивилизации», «пограничная цивилизация», «субцивилизация».

Для цитирования: Корытина М.А. Современные концепции культурологического осмысления Кавказа // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 5. С. 539—545.

Реферат. В статье рассматривается актуальная проблема современного кавказоведения — концептуальное осмысление кавказской цивилизации. Дан анализ базовых теорий идентичности горского социокультурного пространства. Ввиду сложного геополитического и геокультурного положения Кавказа вопросы его цивилизационной идентичности вызывают полемику ученых. Существуют различные варианты наименования этого региона: «единая кавказская цивилизация», «этнический коридор», «буферная зона», «периферия русской цивилизации», «пограничная цивилизация», «субцивилизация». Все теории кавказской идентичности оформились в рамках цивилизационного подхода к региону. Определена авторская позиция по данному вопросу. Многие черты, характеризующие понятие «цивилизация», присущи Кавказу: полиэтничность, религиозный синкретизм (синтез местного язычества, христианства, ислама), сходство в социально-политической организации, экономике, культуре, образе жизни, психологии и ментальности людей. В то же время регион не характеризуется четкой цивилизационной выраженностью, отсутствует та отличительная черта, которая выделяла бы его как отдельную цивилизационную систему наряду с западной, восточной, евразийской. Кроме того, в современных условиях, в частности, на Северном Кавказе заметен процесс разобщенности народов. Следовательно, основные положения альтернативных концепций в философско-теоретическом аспекте необоснованы и требуют более детальной аргументации.

Последние десятилетия характеризуются радикальным изменением модели мирового порядка: с усилением планетарных тенденций одновременно увеличивается разобщенность народов, цивилизаций. Актуальные проблемы мирового пространства, его многополярности вызывают интерес у историков, культурологов, философов, пытающихся теоретически осмыслить глобализационный процесс в целом и тенденции партикуляризма. Необходимо признать, «что как процессы этнокультурной локализации, так и процессы транскультурной глобализации являются естественными и постоянно действующими, взаимодополняющими и взаимобалансирующими тенденциями культурной жизни человечества. <...> Это вечное соперничество между тенденциями увеличения энтропии (деструктурирующая глобализация) и ее понижения (структурирующая локализация), благодаря которым и поддерживаются социально-историческая целостность и культурное разнообразие человечества в их постоянном движении» [1].

В условиях глобализации особую важность приобретает проблема социокультурной идентичности Кавказского региона, определение его места в российской цивилизации, а также социо- и геополитических тенденций развития.

Первые попытки концептуального осмысления социокультурного пространства Кавказа обозначились в конце XX в. и оформились в рамках цивили-

лизационного подхода. Исследователи предлагают различные варианты названия региона: «кавказская горская цивилизация», «единый кавказский суперэтнос», «единый кавказский дом», «солнечное сплетение Евразии», «кавказоцентризм», однако суть самой теории выражается в признании единой горской цивилизации. При этом цивилизация понимается как культурное пространство, крупное человеческое сообщество, обладающее внутренним механизмом саморазвития, общностью основ ментальности и историко-политической судьбы, спецификой социально-аксиологических установок.

Целостность всего Кавказа обосновывается рядом факторов: геополитическими, социокультурными, историческими особенностями хозяйства и быта и др. Согласно Р.Г. Абдулатипову, речь следует вести о кавказской цивилизации, «целостности и культурной близости армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, осетин и ингушей» [2]. Кавказская цивилизация базируется на воспроизведении традиций и обычаев, которые при всем своеобразии отдельных этнокультур обнаруживают много общего.

Ученые отмечают общность судеб, противостояние иранской и турецкой экспансии, многолетнюю, замкнутую от событий мировой истории жизнь, сложные отношения с Россией, драматические коллизии Кавказской войны XIX в. и многое другое. Народы Кавказа, «испытыв воздействие различных цивилизаций, религий и культур, создают к XV—XVI вв. кавказскую горскую цивилизацию» [3, с. 37], характеризующуюся полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и ислама), психологическими чертами, закрепленными в своеобразных этнических горских кодексах. Исследователи говорят об особом типе «кавказской ментальности»: «Одной из основных ценностей горской цивилизации является кавказский тип личности, в идеале воплощающий в себе свободолюбие, чувство собственного достоинства, умение владеть собой, сохранять оптимистический взгляд на жизнь при всех испытаниях» [4]. И.М. Сампиев отмечает, что в регионе исторически сложилась традиция толерантного этнокультурного взаимодействия. «Представляется, что именно такие ментальные черты кавказских народов, как свободолюбие и достоинство, уважение к собственным традициям и культурным ценностям как достоянию, принятому от предков, служили прочной базой для понимания аналогичных чувств и поведения других народов, а на базе такого понимания — уважения их достоинства и прав» [5].

В государственно-политическом отношении концепция единого Кавказа породила целую серию геополитических «проектов объединения Кавказа», например: Конфедерация народов Кавказа, Кавказский общий дом, Кавказский общий рынок, Соединенные Штаты Закавказья и Соединенные Шта-

ты Кавказа. Запад выдвигал свой вариант единого Кавказа в 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ. План предполагал объединение усилий России, Турции, Ирана, Азербайджана, Грузии, Армении, США и Евросоюза для создания в регионе системы, связующей Европу с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Концепции единого Кавказа стали особенно актуальными после военных событий в Южной Осетии (августовская война 2008 года).

Идея о единой кавказской цивилизации должна была снять идеологическое противостояние, но горская действительность показывает всю ее несостоятельность, так как на Кавказе отсутствует внутреннее единство, сплоченность, что помогло бы воспринимать его как целостное объединение. Отметим, что ни в отечественной, ни в зарубежной науке вопрос о кавказской идентичности концептуально обосновать никому еще не удалось. Цивилизационная концепция, согласно В.Х. Акаеву, «умозрительна и неконкретна» [6].

Некоторые ученые, выявляя общесвязующие культурные черты народов Кавказа, наоборот, утверждают, что разобщенности в регионе больше. Тем самым они не признают его как единую цивилизацию. История Кавказа событийна, многогранна, сложна и неоднородна; ввиду многочисленных стечений обстоятельств, сплетения различных религиозных и мировых цивилизаций регион не стал местом генезиса общекавказской культуры.

Анализируя материалы конференции «Этносоциальные процессы и риски Юга России» (2015), I Международного конгресса «Пространство этноса в современном мире» (2014), можно заметить, что многие авторы также указывают на обособленность региона: «Он не является ни единым социально-политическим образованием, ни территориальным социально-этническим сообществом, но остается сложным конгломератом специфических социально-этнических образований, между которыми существуют весьма значимые различия. В местных сообществах по-разному сочетаются и взаимодействуют культурные элементы и влияния российской, западной и исламской цивилизаций и культур» [7].

Глобализация и кризис российской идентичности усилили тенденции национальной самостоятельности и дифференциации горского региона, которые очевидны не только на всем кавказском пространстве, но и на территории Северного Кавказа. «Современное северокавказское общество... с начала 90-х гг. провалилось в пучину социальной архаизации, которая диктует необходимость поиска иных путей и иного содержания управления социальными процессами. Именно поэтому в XXI в. нам суждено иметь дело с массами “возвращенных” в эти годы религиозных фанатиков с едва ли не средневековым сознанием. Они тотально отрицают не просто все светское, но и вообще любые зачатки цивили-

зации. В Дагестане не только у духовных лиц, но и у определенного числа обывателей в мыслях присутствует одно — создать шариатское государство. Длительное время Кабардино-Балкария пользовалась репутацией островка стабильности и относительно-го благополучия на фоне других Северо-Кавказских республик. Этническое самосознание кабардинцев и балкарцев остается достаточно выраженным, но не препятствует интеграционным процессам. Вместе с тем, как считает Х.В. Дзудев, в последние годы характер распространения ислама в КБР аналогичен дагестанскому сценарию» [8]. «Современный Юг России представляет собой достаточно сложную территорию, прежде всего именно в этнополитическом плане, поскольку он как раз представлен целым спектром этносов, которые проживают как достаточно обособленно (калмыки, чеченцы, ингуши), так и в определенной мере диффузно — азербайджанцы, армяне, казаки, украинцы и т. д.» [9].

Сегодня на Северном Кавказе обозначились диаметрально противоположные альтернативы историко-культурного развития:

- ◆ прорусский вектор развития (консолидация, универсализация с мировым сообществом в целом через русскую культуру);

- ◆ стратегия национального «возрождения» (основные составляющие — язык, история, этнокультура);

- ◆ радикальные направления идентификации народов, среди которых наблюдаются исламский фундаментализм (ваххабизм) (Ингушетия, Чечня, Дагестан);

- ◆ ультразападный вектор развития, в большей степени коснувшийся Закавказья (Грузия).

На примере происходящих мировых событий и северокавказской действительности следует признать угрозу возрастающего религиозного фундаментализма, который вызван стремлением сохранить этнокультурную идентичность в глобализирующемся мире: «Усиление религиозно-фундаменталистских настроений в российском обществе можно связать, прежде всего, с общемировой тенденцией возрождения этнической идентичности. Религиозность выступает катализатором процессов этнического ренессанса, посредством религиозной идентичности чаще всего обретается и национальная идентичность. Религия служит дополнительным критерием выделения “своих” во враждебном мире, тем более, что в условиях глобализации она мыслится как альтернатива пугающим процессам девальвации духовно-нравственных ценностей. В этом контексте мирное сосуществование различных конфессий на Северном Кавказе зависит и от того, не превратится ли религия в инструмент манипуляций со стороны радикальных идеологов и практиков, заинтересованных в дестабилизации политической обстановки и эскалации насилия» [10].

Следовательно, кавказское пространство многополярно в своем историко-культурном развитии и не характеризуется четкой цивилизационной выраженностью, так как отсутствует культурный и политический интегрирующий стержень.

Некоторые исследователи отмечают наличие на Кавказе нескольких цивилизаций, выделяя их по уровню развития. Так, Э.Т. Майборода полагает, что «наиболее перспективной представляется идея этнокультурного плюрализма, которая приобретает все больше сторонников в мире. Принадлежность человека к другой культуре должна восприниматься как естественное явление и не вызывать желания переделать других под свою культуру. <...> Помимо распространения идей этнокультурного плюрализма, необходимо научиться искусству межкультурной коммуникации. На Северном Кавказе всегда существовало кросскультурное взаимодействие, а наличие сферы общих интересов и задач может способствовать снятию этнической напряженности» [11]. Ю.М. Кобищанов выделяет «цивилизацию Кавказа и Предкавказья (аланская цивилизация), примыкавших в качестве горной периферии к цивилизации Ближнего Востока» [12]. А.Х. Бижев выделяет адыгскую доиндустриальную цивилизацию [13], так как адыгские племена раньше других северокавказских народов подошли к созданию государственности (синдское государство в XI в. до н. э., которое в I в. н. э. приняло попытку заключить союз с Римом, в VIII—X вв. был заключен касожско-абхазский союз, еще в X в. они имели торговые отношения с Киевской Русью). В XIX в. А.Л. Зиссерман, русский офицер, долгое время живший на Северном Кавказе, отметил кабардинскую культуру: «Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, как за Кавказом персияне; отсюда распространялась мода на платье, вооружение, на седловку, на манеру джигитовки; тамошние обычаи прельщали и в других обществах людей и побуждали перенимать и утверждать такие же порядки» [14].

Подобные подходы меньше всего претендуют на концептуальность, способствуя искажению и мифологизации истории отдельных народов.

Среди ученых высказывается мнение о Кавказе как периферии русской цивилизации, особенно это касается Северного Кавказа. Россия никогда не ставила своей задачей полную ассимиляцию народов Кавказа, которые имеют право на сохранение своей самобытности. «В социокультурном плане Северный Кавказ является системой самобытных социально-исторических организмов, интегрированных в российскую цивилизацию, в которую включены Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Ингушетия, Чечня и Дагестан. А в географическом и административном планах это уже нечто другое» [7].

Кавказ к моменту окончательного присоединения к России (конец XIX в.) представлял собой конгломерат близкородственных и генетически неоднородных, находящихся на различных уровнях развития этнокультур. Русская культура выступала как центр цивилизации для вновь присоединенных территорий, объединяя их, являя образцы, эталоны для подражания, способствуя преодолению и выживанию наиболее слабых народов в условиях несовпадения темпов и ритмов развития. Анализ взаимоотношений Кавказа и России свидетельствует о том, что именно культура стала тем ключевым фактором, который способствовал пониманию и сближению, установлению межкультурного диалога между двумя регионами. Военно-силовых и административно-политических мер в деле вовлечения Кавказа в мир империи было недостаточно. Отдельные успехи военного и экономического характера не позволяли довести дело до желаемой цели, потому что многонациональный регион требовал не военной организации, а культурной, на базе русско-европейских (общечеловеческих) ценностей. Именно культурный фактор внедрения Российской государственности оказался быстротечным, надежным, глубинным по приобщению горного региона к русско-западным достижениям и ценностям. Под влиянием России регион синтезирует черты восточной и западной цивилизации, переплетая традиционность и модернизацию. «Средствами универсализации российского социокультурного пространства была придача горским поселениям, крепостям облика русского города... развитие коммуникаций и образования, христианизация неправославных народов России» [15]. За два столетия Кавказ сблизился с Россией, а что касается северной его части — стал составной частью цивилизационно-культурного пространства многонациональной страны.

Однако интеграция кавказских этносов в систему русской цивилизации — сложный, драматичный процесс. В дореволюционный период русификация горского региона имела поверхностный характер и коснулась в большей степени материальной сферы (предметов быта, жилища, изменения хозяйственных технологий), но «глубинные социально-экономические и культурные “пласты” затрагивались преимущественно поверхностно, закрепляя дистанцированное сосуществование регионального инварианта русской культуры и иных этнокультурных комплексов» [16].

Начало XX в. на Кавказе ознаменовалось советской моделью преобразований, имевшей стратегическую программу национально-культурной политики, согласно которой осуществлялось стремительное обновление всех сфер жизни горцев, дальнейшая универсализация культурно-неоднородной среды. Задачами национально-культурной политики явилось формирование нового общества

и человека, которое осуществлялось через разрыв с традициями патриархального общества, выдвижение нового слоя общества, массовое образование и просвещение, приобщение к рациональной модели мышления и развитие представлений о человеке как активном преобразователе действительности. В результате советской модернизации произошел переход горского традиционного общества к современному (открытому) типу. Важной парадигмой такого общества является ориентация на инновацию, общечеловеческие ценности, автономия личности и ценность ее свободы.

После распада СССР позиции России на Кавказе серьезно ослабли, что привело к дисбалансу и этнополитическим конфликтам в регионе. «США и крупные страны Европы и Азии рассматривают Кавказ в качестве зоны своих геополитических интересов. Ведется борьба за богатые энергоресурсы Каспия, за выбор путей транспортировки углеводородов. Кавказ предстает как зона столкновения различных стран, здесь сталкиваются интересы Российской Федерации и стран североатлантического альянса. Страны Кавказско-Каспийского региона вынуждены условно делиться на группы, объединяясь вокруг России, с одной стороны, а с другой — выбирая западную направленность» [17].

В конце XX в. общерусское влияние определяется «привязкой» территорий к сложившимся трансрегиональным системам инфраструктуры, наличием диаспор северокавказских этносов во всех регионах России. «Северный Кавказ сегодня не претендует быть самостоятельным цивилизационным образованием и даже самобытной локальной цивилизацией. Он хочет развиваться как геополитический регион российской цивилизации, но со своей социокультурной спецификой, которая определяется его культурой и традициями, социально-экономической многоукладностью, политическим разнообразием и плюрализмом, полиэтничностью и поликультурностью» [7]. «Интегрированность Юга России в территориальную структуру высшего таксономического ранга РФ позволяет, в частности, полагать, что ситуация в регионе, его траектория и даже сама возможность появления подобного пространственного образования в значительной мере предопределены именно алгоритмами русской цивилизации» [16].

В научной литературе обосновывается мнение о Кавказе как о субцивилизации, точнее, как единении отдельных субцивилизаций, которое представляет собой суверенное образование внутри цивилизации и имеет собственную систему ценностей, норм, традиций. При этом партикулярный вектор развития составляет траекторию будущего развития Кавказского региона: «1. Сохранится сегодняшняя неопределенная ситуация, когда четко прослеживается принадлежность разных народов Кавказа к раз-

личным цивилизациям. 2. Эти народы могут влиться в разные цивилизации, тем самым разрушатся те немногочисленные признаки, которые позволяют говорить о кавказской субцивилизации. 3. Черты кавказской субцивилизации могут принять более четко очерченный характер, и тогда остро встанет вопрос о соотношении этой субцивилизации к существующим цивилизациям» [18].

На наш взгляд, не существует достаточного основания для определения Кавказа как культурно-исторического типа или субцивилизации. На протяжении истории кавказских народов иногда создавалась возможность создания такого единства, но эти периоды были недолгими.

У некоторых авторов встречается понятие «пограничная цивилизация», которое является результатом многовекового симбиоза и синтеза различных культур, так, например, «иберио-американская, балканская и северо-восточная евразийская цивилизации» [19, с. 14]. С этой точки зрения кавказское пространство (субцивилизацию) можно отнести к пограничной цивилизации. Основными ее признаками являются гетерогенность, поликультурность, открытость, умение быстро усваивать «чужой» опыт. «В древние времена Кавказ составлял барьер между евразийскими степями и цивилизациями Месопотамии, затем тысячу лет регион являлся буферной зоной между различными сверхдержавами. Народы Кавказа в разной степени были включены в периферию древневосточных и античной цивилизаций, а затем византийско-славянской и двухвекторной исламской (суннитской и шиитской)» [3, с. 36]. В этом регионе проводили экспансию греки, римляне, византийцы, арабы, монголы, турки-османы, персы и русские. В современных условиях восточно-христианский мир (византийский) представлен в культуре Армении, Осетии, Грузии, а частью исламской цивилизации являются Дагестан, Азербайджан, Чечня, Ингушетия. Данная точка зрения субъективна и недостаточно научно обоснована.

Все рассмотренные теории, анализирующие цивилизационную модель Кавказа в целом, интересны, но умозрительны, слабы в теоретической обоснованности, аргументации, анализе исторического и фактического материала. На Кавказе нет ни культурного, ни политического стержня, интегрирующего регион, отсутствует высокая культурная консолидированность, присущая такому феномену, как цивилизация.

Следовательно, вопрос о кавказской идентичности учеными на сегодняшний день концептуализировать не удалось. Многие черты, характеризующие понятие «цивилизация», присущи Кавказу: полиэтничность, религиозный синкретизм (синтез местного язычества, христианства, ислама), сходство в социально-политической организации,

экономике, культуре, образе жизни, психологии и ментальности людей Кавказа. Но все это не способствует консолидации горского региона. Кавказ характеризуется клубком различных противоречий и проблем, здесь отсутствует интегрирующий стержень, объединяющий горское пространство в единую культурную систему наряду с западной, восточной, евразийской.

Выделение отдельных субцивилизаций или культурных периодов на Кавказе также носит субъективный характер и не выдерживает серьезной критики, питая шовинистические настроения и этноцентризм в народах.

Представление о Северном Кавказе, как периферийном пространстве России, недостаточно объективно. Несмотря на то, что два столетия соработничества сблизили горские народы с русским, оформили социокультурное пространство региона, Северный Кавказ не приобрел духовного единения с Россией. Из всех территорий, входящих в состав России, именно с Кавказом связано большинство проблем, и когда речь идет об этом пространстве, острее встает дуальное противопоставление в российском обществе «свой — чужой».

Определение места Кавказа в современных условиях, его состояние и вектор развития — интересная, волнующая, актуальная тема в науке, которая требует основательного подхода. От социокультурного развития Кавказского пространства зависит не только судьба самого региона, но и всей многонациональной России.

Список источников

1. Флиер А.Я. Глобализация как культурная тенденция // Обсерватория культуры. 2005. № 1. С. 38–42.
2. Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 56.
3. Черноус В.В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX — начале XX в. Ростов н/Д, 1992. С. 36, 37.
4. Ахриев Р.И. Культура народов Северного Кавказа как одна из ценностей горской кавказской цивилизации // История Северного Кавказа. Северокавказская цивилизация: вчера, сегодня, завтра : Тезисы II Международ. конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Пятигорск, 1998. С. 7.
5. Сампиев И.М. Роль традиций толерантности в гармонизации межэтнических взаимодействий на Северном Кавказе // «Этносоциальные процессы и риски Юга России» : Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию АГУ. Майкоп, 2015. С. 225.
6. Акаев В.Х. Кавказская война: старые концепции и новые подходы // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998. С. 22.
7. Яхьяев М.Я. Этнокультурные процессы и социальные риски на Северном Кавказе // Этносоциаль-

- ные процессы и риски Юга России : Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию АГУ. Майкоп, 2015. С. 42—44.
8. Каширина О.В. Этнокультурный мир Северного Кавказа в условиях современного кризиса позднего капитализма // Сб. материалов I Междунар. конгресса «Пространство этноса в современном мире». Грозный, 2014. С. 287.
 9. Циватый В.Г. Украина и Юг России в условиях новых вызовов и угроз первых десятилетий XXI века: политико-дипломатическое и институциональное измерение // Этносоциальные процессы и риски Юга России : Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию АГУ. Майкоп, 2015. С. 290.
 10. Касьянов В.В. Этноконфессиональная конфликтность социума Северо-Кавказского региона // Этносоциальные процессы и риски Юга России : Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию АГУ. Майкоп, 2015. С. 49.
 11. Майборода Э.Т. О существовании цивилизаций различного типа [Электронный ресурс] // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/17566/> (дата обращения: 29.06.2016).
 12. Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 92.
 13. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в 20-х — начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994. С. 140.
 14. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Ч. 2. Санкт-Петербург, 1879. С. 382.
 15. Корытина М.А. Модернизация как культурная интеграция Кавказского региона // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 4. С. 45.
 16. Берсирова А.К., Берсиров Т.Б. Характеристика социо-этнической динамики Юга России // Этносоциальные процессы и риски Юга России : Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию АГУ. Майкоп, 2015. С. 84—85.
 17. Цховребова А.З. Российская Федерация и современные процессы в геополитическом пространстве Кавказа // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 3. С. 116.
 18. Кацитадзе К. О цивилизационной принадлежности Грузии и Кавказа // Посткоммунистические демократические преобразования и геополитика на Южном Кавказе : Материалы конф. (17—18 октября 1997 г.). Тбилиси, 1998. С. 87—88.
 19. Коваль Б.И., Семенов С.И. Энергичная природа современных пограничных цивилизаций : (новый подход к человеческому измерению всемирной истории) // Латинская Америка. 2000. № 11. С. 4—14.

MODERN CONCEPTIONS OF THE CULTURAL COMPREHENSION OF THE CAUCASUS

MADINA A. KORYTINA

Highland State Agrarian University, 37 Kirova St., Vladikavkaz, the Republic of North Ossetia — Alania, 362040, Russia
E-mail: tikis@yandex.ru

Abstract. *The article considers an actual problem of modern Caucasian studies — conceptual comprehension of the Caucasian civilization. It gives an analysis of the basis theories of highland social and cultural space identity. Due to the difficult geopolitical and geocultural position of the Caucasus, the problems of its civilizational identity cause controversy among scientists. There are different variants of the region's name: the Unified Caucasian Civilization, the Ethnic Corridor, the Buffer Zone, the Periphery of Russian Civilization, the Boundary Civilization, the Subcivilization. All the theories of Caucasian identity were formed within the frameworks of civilizational approach to the region. The author's position on the question is defined. There are many characteristics inherent to the concept of civilization in the Cauca-*

sus: the polyethnicity, religious syncretism (the synthesis of local paganism, Christianity, Islam), similarities in sociopolitical organization, economy, culture, way of living, psychology, and mentality of people. At the same time, the region is not characterized by any clear civilizational manifestation which would allocate it as a separate civilization system along with the Western, Eastern, and Eurasian ones. Besides, in the modern conditions, in the North Caucasus in particular, a process of disunity of the peoples can be noticed. Hence, the fundamental principles of alternative conceptions in philosophical and theoretical aspect are baseless and need more detailed argumentation.

Key words: civilization, civilizational conception, Caucasian identity, conceptual comprehension, the Unified Caucasian Civilization, the Ethnic Corridor, the Buffer Zone, the Periphery of Russian Civilization, the Boundary Civilization, the Subcivilization.

Citation: Korytina M.A. Modern Conceptions of the Cultural Comprehension of the Caucasus, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 13, no. 5, pp. 539—545.

References

1. Flier A.Ya. Globalizatsiya kak kul'turnaya tendentsiya [Globalisation as a Cultural Trend], *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2005, no. 1, pp. 38—42.

2. Abdulatipov R.G. Kavkazskaya tsivilizatsiya: samobytnost' i tselostnost', *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 1995, no. 1, p. 56.
3. Chernous V.V. K voprosu o gorskoi tsivilizatsii, *Rossiya v XIX — nachale XX v.* [Russia in the 19th — the beginning of the 20th century]. Rostov-on-Don, 1992, pp. 36—37.
4. Akhriev R.I. Kul'tura narodov Severnogo Kavkaza kak odna iz tsennostei gorskoi kavkazskoi tsivilizatsii, *Istoriya Severnogo Kavkaza. Severokavkazskaya tsivilizatsiya: vchera, segodnya, zavtra* [The history of the North Caucasus. North Caucasian civilization: yesterday, today and tomorrow:] (Proc. II Int. Congress "World of the North Caucasus through languages, education, culture"). Pyatigorsk, 1998, p. 7.
5. Sampiev I.M. Rol' traditsii tolerantnosti v garmonizatsii mezhetnicheskikh vzaimodeistvii na Severnom Kavkaze, *"Etnosotsial'nye protsessy i riski Yuga Rossii": Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu AGU* [Proc. of All-Russ. Sci.-pract. Conf., "Ethno-social processes and risks of the South of Russia": to the 75th ann. of the ASU]. Maikop, 2015, p. 5.
6. Akaev V.Kh. Kavkazskaya voina: starye kontseptsii i novye podkhody, *Kavkazskaya voina: spornye voprosy i novye podkhody* [Caucasian War: issues and new approaches]. Makhachkala, 1998, p. 22.
7. Yakh'yaev M.Ya. Etnokul'turnye protsessy i sotsial'nye riski na Severnom Kavkaze, *"Etnosotsial'nye protsessy i riski Yuga Rossii": Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu AGU* [Proc. of All-Russ. Sci.-pract. Conf., "Ethno-social processes and risks of the South of Russia": to the 75th ann. of the ASU]. Maikop, 2015, pp. 42—44.
8. Kashirina O.V. Etnokul'turnyi mir Severnogo Kavkaza v usloviyakh sovremennogo krizisa pozdnego kapitalizma, *Sbornik materialov I Mezhdunar. kongressa "Prostranstvo etnosa v sovremennom mire"* [Proc. I Int. Congress "Ethnic space in the modern world"]. Grozny, 2014, p. 287.
9. Tsviatyi V.G. Ukraina i Yug Rossii v usloviyakh novykh vyzovov i ugroz pervykh desyatiletii XXI veka: politiko-diplomaticheskoe i institutsional'noe izmerenie, *"Etnosotsial'nye protsessy i riski Yuga Rossii": Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu AGU* [Proc. of All-Russ. Sci.-pract. Conf. "Ethno-social processes and risks of the South of Russia": to the 75th ann. of the ASU]. Maikop, 2015, p. 290.
10. Kas'yanov V.V. Etnokonfessional'naya konfliktnost' sotsiuma Severo-Kavkazskogo regiona, *"Etnosotsial'nye protsessy i riski Yuga Rossii": Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu AGU* [Proc. of All-Russ. Sci.-pract. Conf. "Ethno-social processes and risks of the South of Russia": to the 75th ann. of the ASU]. Maikop, 2015, p. 49.
11. Maiboroda E.T. O sushchestvovanii tsivilizatsii razlichnogo tipa [The existence of different types of civilization], *Kavkazskii uzel* [Caucasian knot]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/17566/> (accessed 29.06.2016).
12. Kobishchanov Yu.M. Mesto islamskoi tsivilizatsii v etnokonfessional'noi strukture Rossii, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1996, no. 2, p. 92.
13. Bizhev A.Kh. *Adygi Severo-Zapadnogo Kavkaza i krizis vostochnogo voprosa v 20 — nachale 30 gg. XIX v.* [Circassians of the Northwest Caucasus and the crisis of the Eastern question in the late 1820's and early 1830's.] Maikop, 1994, p. 140.
14. Zisserman A.L. *Dvadtsat' pyat' let na Kavkaze (1842—1867)* [Twenty-five years in the Caucasus (1842—1867)], part 2. St. Petersburg, 1879, p. 382.
15. Korytina M.A. Modernizatsiya kak kul'turnaya integratsiya Kavkazskogo regiona, *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humane, Social and Economic Sciences], 2014, no. 4, p. 45.
16. Bersirova A.K., Bersirov T.B. Kharakteristika sotsioetnicheskoi dinamiki Yuga Rossii, *"Etnosotsial'nye protsessy i riski Yuga Rossii": Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu AGU* [Proc. of All-Russ. Sci.-pract. Conf. "Ethno-social processes and risks of the South of Russia": to the 75th ann. of the ASU]. Maikop, 2015, pp. 84—85.
17. Tskhovrebova A.Z. Rossiiskaya Federatsiya i sovremennye protsessy v geopoliticheskom prostranstve Kavkaza, *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humane, Social and Economic Sciences], 2014, no. 3, p. 116.
18. Katsitadze K. O tsivilizatsionnoi prinadlezhnosti Gruzii i Kavkaza, *Postkommunisticheskie demokraticheskie preobrazovaniya i geopolitika na Yuzhnom Kavkaze: Materialy konf. (17—18 oktyabrya 1997 g.)* [Proc. Conf. "The post-communist democratic change and geopolitics in the South Caucasus", 17—18 oct. 1997]. Tbilisi, 1998, pp. 87—88.
19. Koval' B.I., Semenov S.I. Energiinaya priroda sovremennykh pogranychnykh tsivilizatsii: (novyi podkhod k che-lovecheskomu izmereniyu vseмирnoi istorii), *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2000, no. 11, pp. 4—14.